

Александр Медведев

О «МОЛОДОМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ», ВЫБОРОЧНО...

Седьмой по счёту альманах «Молодой Санкт-Петербург» Литературного Фонда «Дорога жизни» и Общества «Молодой Петербург» при Союзе писателей России вышел в конце 2022 года. Редакция сообщает, что этот выпуск задуман «для освещения текущей литературной ситуации» и «основное пространство отводилось под критические и аналитические статьи, посвящённые культурным событиям и выходящим книгам». «На этот раз, — вносит дополнение главный редактор альманаха Алексей Ахматов, — мы решили отойти от жёсткой структуры, присущей нашим сборникам, — убрали разделы публицистики, литературоведения, критики и культурных обзоров». Мне показалось, что сообщения редакции и главного редактора о содержании издания несколько противоречивы?

В итоге читателю предложен сборник с совсем не жёстко чередующимися рубриками — «Поэзия!» и «Проза?». Кстати, почему одна рубрика уснащена восклицательным знаком, другая — вопросительным, а, к примеру, не наоборот? Можно, конечно, отнести данные знаки препинания «чисто к дизайну», — вероятно, оформитель так видит указанные жанры? Однако использованные в декоративном качестве восклицательный и вопросительный знаки всё же не утрачивают первоначальной функции. Остаётся верить, что читатель сам разберётся, что в альманахе «поэзия!», а что — «поэзия?», и соответственно определится с прозой.

Седьмой выпуск «Молодого Санкт-Петербурга» в целом действительно «освещает текущую литературную ситуацию», и слова Ирэны Сергеевой — «Мы гнёт бескультурья не сбросили с плеч, / Приветствуем антикультуру... / А нам отстоять бы родимую речь / и русскую литературу!» — объединяют в этом стремлении 25 авторов стихотворных произведений и 14 авторов рассказов, эссе, философских и литературоведческих статей. Есть что почитать. Обо всех авторах альманаха при всём желании не скажешь. Разве что, следует воздать им должное уважение за любовь к литературе. Она выражается по-разному уже потому, что в альманахе

участвуют люди разных поколений, которые, в общем, и встретиться-то могли лишь на страницах данного издания. Поэтому я выскажу лишь несколько соображений по поводу произведений некоторых авторов старшего поколения, с надеждой, что в моих словах и молодёжь увидит что-то полезное, или хотя бы найдёт повод для дискуссии. Замечу о штампах. Они бывают в виде ходких выражений, образов, напрашивающихся как бы сами собой. Они представляют банальность в раскрашенных видах.

Автор двенадцати поэтических книг, тонкий лирик Олег Чупров, выражая чувства любви к Родине, к женщине, к Богу и человеку вообще, нередко использует принцип контраста, неожиданную смену картин природы, настроений. Совершенно оправданный приём этот, помимо ожидаемого эффекта, оборачивается тем самым штампом.

*Путь к Благодати не напрасен... / И Светлой Пасхою храним,
Я в храм иду... / А он — прекрасен, / И ясен небосвод над ним!
Но в сердце боль ударит глухо / И щёки вдруг окрасит стыд,
Когда на паперти старуха / Ребёнком / брошенным / стоит...*

Стопроцентный принцип контраста: воодушевлённый человек идёт получить Благодать и вдруг осекается — видит на паперти нищую. Не лёгкой ли образной добычей оказывается здесь стаффажная «старуха»? Да, российские пенсии по старости невелики. Но, если женщина ходит в храм, то община её всяко не оставит, и в трапезной накормят, и с собой что-нибудь в пакет положат. Хотя, конечно, от тюрьмы и от сумы не зарекайся... Тогда уж чего стыдиться: положи, прихожанин, в её кружку, сколько не жалко. А коль, говоришь, Пасха, не побрезгуй и похристосоваться с ней, раз сердце ёкнуло, улыбнись человеку — и вот он, ненапрасный путь к Благодати!

В другом стихотворении поэт идёт от обратного, «от печали до радости»:

*Тают в сумраке лица, / Чайки / слышится крик.
На скамейку садится / Молчаливый старик.
буксир / на причале — / У склонившихся ив...
Отчего ты печален? / Отчего молчалив?
То ли друга / лишён ты, / То ль судьба / нелегка...
Но улыбка Джоконды / На лице старика.*

О, эта незабвенная таинственна улыбка Джоконды! Куда бы её ещё приспособить? Что, на лицо — старика?! — улыбку Джоконды?.. Ну, хотя бы Казановы, ну ещё туда-сюда, но улыбочку Джоконды — это просто ерунда! По такому случаю сам собой возникает хулиганский парафраз Хармса («Врун»). Заворожённый трансгендерной находкой — дамской улыбкой на мужском

лице — поэт не заметил ещё одного имени, возникающего фонетически. «То ли друга / лишён ты, То ль судьба / нелегка...» — явно слышится: Толи, друга, лишён ты, Толь судьба нелегка... Впрочем, может, фонетическое явление некоего «Толи» и лёгкая грусть о нём в изящном, напевном стихотворении и есть ключ к разгадке появления у старика улыбки Джоконды? Как бы там ни было, такие поэтические андрогинные метаморфозы напомнят вдруг о наших способностях пребывать в разных ипостасях.

«Феномен ипостасности» Германа Ионина (1936–2021), текст, названный в содержании альманаха статьёй, наверное, точнее было бы назвать трактатом. Литературная статья предполагает разбор каких-то произведений, историю их создания, знакомство с биографией автора, эволюцию его мировоззрения, мастерства и т.п. Герман Николаевич в своём произведении, напоминающем научное сочинение, обсуждает ипостасность — состояние, осмыслением которого он занимался многие годы. Об этом состоянии он трактует в форме рассуждения с целью изложить принципиальное видение предмета. «Если пользоваться предельно общими категориями, ипостасность предполагает, во-первых, всеобщее тождество, во-вторых, универсальную индивидуализацию и, в-третьих, взаимопереходность того, что индивидуально разъединено. Каждое из этих проявлений — сущность, и три эти сущности ипостасны друг другу».

Иными словами, ипостасность для автора раскрывает сущность духовной культуры в её глубинном содержании и типологическом триединстве. Содержание в равной степени религиозное, научное, художественное. Для чего же надобен сей феномен? Для «гармоничности саморазвития духовной культуры во всех сферах человеческого опыта», — следует пояснение. Попросту — для такого общения, в котором, сохраняя свою индивидуальность, человек преодолевает «абсурдность обособления».

На мой взгляд, текст Ионина — пример того, как ипостась преподавателя, лектора способна замечать в человеке литератора, призванного находить точное слово для общения с читателем. Правда, в конце текста Герман Николаевич всё же нашёл слова, смысл которых вполне ясен: «каждый из ближних и близких — моя ипостась. Каждый — это я сам, но другой; другой, но я сам».

Читая текст Ионина, задумываешься об определённом сходстве, даже родстве философии и поэзии. Слова «каждый — это я сам, но другой» сразу напоминают о Другом — как о понятии в современной философии. Оно представляет собой изучаемое явление, обозначенное классической традицией как «своё иное» (Гегель). Хайдеггер видит Другого неким «усреднённым Другим», Сартр говорит о нём: это «отрицание моего Я», для Делёза —

это «возможность»... В рамках философии постмодернизма Другой обретает базовый статус, и это, кажется, закономерно.

О взаимосвязи Я и Другого предельно поэтически ясно говорится в стихотворении *Silentium!*

*Как сердцу высказать себя? / Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь? / Мысль изречённая есть ложь...*

Достаточно ли нам этой ясности? Значит ли, что философия — не нужна?

«Однажды, во время поездки на Валаам, у меня состоялся разговор о философии с одним молодым поэтом. — Так в духе рассказов Тургенева или Лескова начинается, публикуемый в альманахе, отрывок из статьи философа Александра Казина «Верующий разум. Основной принцип русской философии». — Поэт сказал примерно следующее: «Для чего нужна философия? Она ничего не даёт человеку. По существу, это просто потерянное время». Помнится, я тогда ответил ему, что и поэзия в известном плане есть рифмованная философия: во всяком случае, она выражает некий человеческий взгляд на мир».

На этом, начатый так интригующе — поездка на Валаам, а, значит, Ладога, пароход, пассажиры, дамы, собачки и на этом фоне захватывающий словесный поединок философа и поэта... — начатый было рассказ обрывается и становится лекцией о сложнейших взаимоотношениях веры и разума, длящихся со времен досократиков по настоящее время. Безусловно ценный с точки зрения квалифицированного обзора поднятого религиозно-философского вопроса текст А. Казина на страницах литературного издания оказывается своеобразной «вещью в себе». Это не значит, что проблемы, которые в нём затрагиваются, не интересны людям пишущим, — ещё как интересны! Особенно поэтам...

Может быть, философам, чтобы вызвать у читателя литературного альманаха неподдельный интерес к трактуемому предмету, надлежит чаще обращаться к образному началу? Язык «сухой теории» философского дискурса более уместен для «иудеев» — для студенческой аудитории, а «эллинам» — любителям «Поэзии!» и «Прозы?» — понятней и приятнее живая речь, окрашенная эмоциями. Апостол Павел в Первом послании к коринфянам именно об этом писал: надобно смотреть, кому и где ты хочешь донести своё слово?

По существу, речь здесь, как всегда, шла о мере, а она есть своеобразный камертон — поэзии и философии, означающая единство качества и количества, содержания и формы.